

Справляться с таким человеком, как Фу Цзинмо, можно было только задействуя отступление как способ наступления, действуя постепенно.

Нельзя было спешить и надеяться на быстрый успех.

Сун Цзюяо вышла из чайного дома.

Бросив пару слов Цинь Яню, стоявшему у входа словно страж ворот, она удалилась.

Цинь Янь остался на месте, пристально глядя вслед Сун Цзюяо, и почесал затылок.

Эта его будущая хозяйка выглядела весьма загадочно и непостижимо.

Мало того, что она заставляла его босса, чьё слово всегда было законом, нарушать правила снова и снова, так она ещё и умудрялась спокойно вести с ним беседы...

Будучи главным помощником Фу Цзинмо, он проработал с ним много лет и ещё никогда не видел, чтобы Фу Цзинмо к кому-то проявлял столь долготерпеливую снисходительность.

— О чём задумался?

Голос прозвучал прямо над ухом Цинь Яня.

Он ответил почти на автомате:

— Думаю о том, как мой хладнокровный и беспощадный начальник собирается угодить в женские сети.

— То есть, старый бык решил полакомиться молодой травкой, разве это не аморально? Эх... впрочем, на его счету подобные звериные поступки отнюдь не единичны.

Едва слова сорвались с языка, Цинь Янь сообразил, к чему всё идёт.

Его спина мгновенно одеревенела, он виновато обернулся и, разумеется, встретился взглядом с ледяными глазами Фу Цзинмо, которые, казалось, готовы были прикончить его в следующее же мгновение.

В горле у Цинь Яня мгновенно пересохло.

Паника ударила в голову.

Фу Цзинмо обладал слишком мощной аурой подавления: одного его присутствия было достаточно, чтобы люди затаивали дыхание, не говоря уже о таком мрачном и глубоком взгляде.

— Пре... пре... президент, если я скажу, что пошутил, вы поверите?

Сейчас Цинь Яню хотелось лишь переместиться на минуту назад и отвесить себе пощёчину за болтовню.

Фу Цзинмо холодно глянул на него:

— Похоже, работы у тебя по-прежнему слишком мало.

— Приказываю добавить тебе ещё месяц сверхурочных.

Цинь Янь: «...»

Просто демон какой-то!

Сверхурочные — это хуже смерти!

— Скажите, президент, а за сверхурочные доплата полагается? — осторожно, набравшись храбрости, поинтересовался Цинь Янь.

Хотя он прекрасно понимал, что сверхурочные — это ещё самое мягкое наказание со стороны босса, а за провинись он серьёзнее, его бы, пожалуй, отправили до конца дней добывать уголь.

Фу Цзинмо усмехнулся с показным равнодушием, поднял палец, смахнул с одежды Цинь Яня несуществующую пылинку и приподнял веки:

— Сам-то... как думаешь?

Каждое слово звучало отдельно, неся в себе угрозу и холод.

Цинь Янь мгновенно выпрямился во весь рост и с абсолютно серьёзным видом произнёс:

— Не нужно мне никаких доплат, для меня великая честь служить президенту.

Фу Цзинмо больше ничего не сказал, зашагал вперёд.

Цинь Янь: «...»

Эх, проклятый капиталист!

Если бы не зарплата, годовые бонусы и проценты от сделок, он бы давно всё бросил!

* * *

Поместье Сэньпань.

Сун Цзюяо вернулась в комнату в тяжёлых раздумьях.

Она достала из рюкзака свой давно заброшенный кошелёк, внутри которого хранилась пожелтевшая фотография.

Снимок был сделан много лет назад, ещё чёрно-белый.

Несмотря на это, не составляло труда разглядеть, что женщина на фото была невероятной красавицей.

Она ни в чём не уступала современным звездам, которых всюду превозносят в интернете.

Это была кормилица Сун Цзюяо, Ху Фэнмяо.

Ху Фэнмяо вырастила её, и в те мрачные, лишённые света дни в деревне Вэнгу рядом с Сун Цзюяо была только она.

В возрасте двадцати лет Ху Фэнмяо родила двойняшек — мальчика и девочку, но вскоре после рождения оба ребёнка скончались.

Чтобы заглушить боль утраты, она едва за тридцать стала наниматься в кормилицы.

Возможно, пережив боль потери собственных детей, Ху Фэнмяо относилась к Сун Цзюяо с исключительной нежностью.

Они выживали вдвоём, хлебнув немало житейских бурь.

Сун Цзюяо никогда не видела мужа Ху Фэнмяо.

Да та и словом о нём не обмолвилась.

Лишь перед самой смертью она поведала Сун Цзюяо, что познакомилась и полюбила одного мужчину на Острове Прага.

Она носила от него ребёнка и даже родила, но из-за знатного происхождения его семьи её не пожелали принять в дом. Она попыталась уйти вместе с детьми, однако зимой оба малыша тяжело заболели и из-за отсутствия нормальных условий для лечения в итоге не выкарабкались.

Потерять двоих детей разом — тут любой сойдёт с ума.

Поэтому тогда Ху Фэнмяо отталкивала всех подряд, и особенно того мужчину, с которым свела судьба на острове.

Все свои страдания она винила исключительно в нём.

Но перед смертью всё равно тосковала по нему.

Этот он, судя по всему, и был хозяином Острова Прага.

При жизни у Ху Фэнмяо было заветное желание — ещё хоть раз вернуться на тот остров, а лучше всего упокоить свои кости там, где они поклялись друг другу в вечной любви с возлюбленным...

Ху Фэнмяо ушла из жизни совсем еще молодой, но слабое здоровье в сочетании с годами изнурительного труда свели её в могилу.

В год смерти Ху Фэнмяо Сун Цзюяо исполнилось всего десять лет. Но она уже многое понимала и в суровых условиях успела овладеть немалыми навыками. Только думала она тогда вовсе не о том, как бы ей выжить самой, а о том, как исполнить последнюю волю Ху Фэнмяо.

Она должна была вернуть Ху Фэнмяо на Остров Прага и похоронить там, не позволяя никому тревожить её покой.

Эта наивная мысль, зародившаяся после смерти Ху Фэнмяо, преследовала её по сей день, превратившись то ли в наваждение, то ли во что-то иное.

Сун Цзюяо знала лишь одно: за все прожитые годы Ху Фэнмяо была единственным человеком, кто относился к ней по-доброму. В её сердце Ху Фэнмяо была матерью, а никакой не кормилицей.

Теперь же, когда она наконец заработала достаточно денег, чтобы выкупить этот остров, всё сорвалось.

Сун Цзюяо вздохнула и провела пальцем по фотографии в кошельке — это было всё, что осталось от Ху Фэнмяо, её единственная память и реликвия.

Через неделю наступала годовщина смерти Ху Фэнмяо.

Сун Цзюяо убрала кошелёк обратно в рюкзак, поднялась на ноги и решила взять себя в руки!

В восемь часов вечера, тщательно принарядившись, она вышла из комнаты, спустилась в гостиную и послушно, тихо уселась на диване в ожидании возвращения Фу Цзинмо.

Наконец вскоре у входной двери послышался шум.

Фу Цзинмо вошёл в гостиную.

Тетушка Чэнь тут же подбежала, чтобы взять у него пиджак и помочь переобуться в домашние туфли.

Изнурённый утомительным днём, Фу Цзинмо выглядел не так резко и пронзительно, как обычно.

Тетушка Чэнь уже распорядилась накрыть ужин.

Она спросила, не желает ли он поесть.

Фу Цзинмо равнодушно бросил нет и собрался подняться наверх, чтобы принять душ и лечь спать.

— Любимый!

В тишине раздался капризный женский голос.

До приторности сладкий.

Брови Фу Цзинмо едва заметно сошлись на переносице, и боковым зрением он наконец обратил внимание на женщину, сидевшую на диване.

Сун Цзюяо облачилась в тончайшие чёрные комбинационные бретельки, обнажающие

большую часть сиявшей белизной кожи. Её изящные руки и белые ноги казались настолько хрупкими, что их можно было сломать одним движением.

Лисьи глаза чуть приподняты, густые черные ресницы изогнуты.

Она, судя по всему, ещё и нанесла изысканный макияж, манивовый и манящий.

Пока Фу Цзинмо пребывал в растерянности, Сун Цзюяо уже подошла к нему вплотную.

Её шёлковое платье соприкоснулось с брюками его костюма, между ними оставалось от силы несколько сантиметров.

Она задрала голову, встречаясь с ним взглядом прозрачных и мягких глаз.

Столкнувшись с этим взглядом, Фу Цзинмо пропустил пару ударов сердца.

Будто ступил в туманную дымку речных просторов южных земель Китая, погрузившись в живописную поэзию туманного пейзажа.

В отличие от Сун Цзюяо, которая смотрела на него смело и не отрываясь, Фу Цзинмо явно чувствовал себя сдержанно и непривычно.

Он отвёл взгляд:

— Ты что удумала?

Чёртов дьявол, проклятый безумец, соблазняю тебя, неужто не видишь?

Сун Цзюяо произнесла:

— Соскучилась. Любимый целый день трудился в поте лица, а я, как твоя будущая жена, просто обязана как следует о тебе позаботиться: и искупать, и переодеть.

Фраза искупать и переодеть, будучи произнесённой в связке с таким взглядом Сун Цзюяо, заставляла мысли сворачивать в весьма определённое русло.

Фу Цзинмо лишь на секунду замер, его кадык дернулся, и он выдавил из себя холодную усмешку:

— Среди ночи, с какого перепугу тебя потянуло на блуд?

Улыбка на лице Сун Цзюяо на мгновение окаменела.

Наверное, ей доводилось испытывать унижения и похуже, потому что сейчас она не чувствовала ровно ничего, а её толстокожести позавидовала бы любая крепостная стена.

— Я просто хочу разделить с тобой тяготы, только и всего, — искренне произнесла Сун Цзюяо.

Фу Цзинмо издевательски усмехнулся:

— Ладно. Пошли наверх, составишь мне компанию в душе.

Лёгкий румянец, изначально тронувший щеки Сун Цзюяо, от слов Фу Цзинмо стал только ярче.

Но она лишь заколебалась на секунду, после чего согласно кивнула.

Рано или поздно всё равно придется обнажиться перед ним, так что разница в один день роли не играет.

Фу Цзинмо слегка прищурился, дёрнул и без того расслабленный галстук, а затем неторопливо двинулся вверх по лестнице.

Сун Цзюяо опустила глаза в пол, а затем сделала шаг, ступая на ступени.

Если говорить об обиде, то особого чувства обиды она не испытывала — путь этот в конце концов выбрала она сама.

Она ни о чём не жалела.

Лишь бы в конечном итоге добиться своей цели.

Вернувшись в комнату, Фу Цзинмо сразу взял халат и скрылся в ванной.

Следом за ним, заправив за ухо выбившуюся прядь волос, медленно вошла и Сун Цзюяо.

Вот только беда — она понятия не имела, как именно ей следует себя вести.

Соблазнительные позы, сыплющиеся градом пикантные словечки — это она умела.

Но... составить кому-то компанию в ванной — это же практически равносильно переходу к

активными действиям.

Глядя на эту стройную, крепкую спину, Сун Цзюяо вдруг осознала одну вещь: она умела лишь бросаться громкими словами, а на деле совершать подобные... стыдные поступки попросту не решалась.

Потому что у неё...

Никогда подобного не было.

Тем не менее, она прекрасно понимала: через некоторые вещи ей всё равно придётся пройти.

Фу Цзинмо, судя по всему, обладал завидным терпением и безмолвно ждал дальнейших шагов от Сун Цзюяо. Прислонившись к умывальнику, приподняв веки и глядя на неё сверху вниз, он достал из кармана пачку сигарет, вытащил одну и засунул в рот.

Наклонившись, он чиркнул зажигалкой, огонёк вспыхнул у него между пальцами, и он, слегка прищурившись, затянулся, выпуская клубы дыма. Прошло еще немного времени, прежде чем длинные, точеные пальцы вынули сигарету изо рта. Стяхнув пепел, мужчина посмотрел на Сун Цзюяо:

— Что? Мне еще и учить тебя, что делать?

Атмосфера вокруг него по-прежнему оставалась тяжелой и давящей.

Дверь ванной уже закрылась.

Хотя ванная комната была большой, против размеров самого номера она казалась крошечной, и они по-прежнему были заперты в тесном пространстве.

Сун Цзюяо, собираясь с духом еще добрых несколько минут, подошла к нему.

Огонек на кончике сигареты Фу Цзинмо поднимался вверх. Несмотря на то, что ее разделяло с ним платье на бретельках, Сун Цзюяо все равно чувствовала исходящее от него тепло.

То ли дело было в том, что на ней надето слишком тонкое платье, то ли... в чем-то другом.

Из горла Фу Цзинмо вырвался тихий смешок.

Глубокий, расслабленный, соблазняющий.

— Испугалась?

Он опустил взгляд на Сун Цзюяо:

— А ведь только что вовсю заигрывала.

— Ну же, помоги мне развязать галстук.

Тот галстук и так уже порядком ослаб, несколько пуговиц тоже были расстегнуты, обнажая ключицы и ту самую красную родинку...

В этот момент он выглядел поистине... развратно и дерзко.

Человеку, которому почти исполнилось тридцать, каким-то образом удавалось сводить с ума не хуже какого-нибудь старшекласника.

И голос к тому же такой приятный.

Настоящий демон во плоти, бог соблазна.

Сейчас Сун Цзюяо уже с трудом держала себя в руках.

В горле пересохло.

Даже Юй Ляньцзян никогда не вызывал у нее подобных чувств.

Острые ощущения, бешено бьющееся сердце, выброс адреналина.

Ее дрожащие пальцы потянулись к галстуку Фу Цзинмо и медленно развязали его.

Сняв галстук, Сун Цзюяо протянула его мужчине.

Он затушил сигарету и бросил ее в урну, после чего взял из рук Сун Цзюяо галстук.

Галстук был винно-красного цвета, отчего его руки казались еще белее, а пальцы — еще более отчетливыми, изящными, словно из белого нефрита, и при этом излучали налет какой-то запретной страсти.

Дыхание Сун Цзюяо от этого зрелища стало еще более частым.

Фу Цзинмо небрежно бросил галстук на раковину и холодно посмотрел на нее:

— Продолжай.

— Что?

— Расстегни пуговицы. И... мой ремень.

Эти слова, слившиеся в единую фразу, каждое по отдельности были до безумия двусмысленными, от них во рту пересыхало — до жути.

Лицо Сун Цзюяо уже полностью покраснело, в то время как выражение лица Фу Цзинмо оставалось совершенно невозмутимым.

Нет... определенно где-то в этой последовательности произошел сбой.

Прежний Фу Цзинмо был явно... куда более целомудренным и застенчивым, чем она, с чего вдруг такие перемены?

Да он привыкает к присутствию женщины с пугающей скоростью!

Сун Цзюяо закусила губу и, подчиняясь его указанию, расстегнула пуговицы на его рубашке.

Медленно обнажая рельефные линии низа живота и крепкий пресс... Температура в ванной комнате поднималась всё сильнее.

Наконец, в тот самый момент, когда её рука опустилась на пряжку ремня, Сун Цзюяо пожалела о содеянном.

Она едва заметно отдернула руку.

Она признавала, что у Фу Цзинмо прекрасное тело, и разглядывать его — сплошная выгода, но... но вот такие совместные купания были явным перебором.

Теперь, когда она увидела его тело, разве не посмотрит он на неё в ответ?

— И это всё, на что ты способна? Фу Цзинмо, казалось, предвидел всё на свете, а потому ничуть не удивился поступку Сун Цзюяо.

— Это называется «вовремя остановиться», — ответила Сун Цзюяо.

С этими словами она перехватила ладонь Фу Цзинмо, встала на цыпочки и коснулась губами его ключицы, а затем двинулась выше, замерши губами у кадыка.

Мм, ощущения оказались весьма неплохими.

Она отчетливо почувствовала, как тело мужчины напряглось.

Сун Цзюяо замерла и подняла на него взгляд.

Хотя выражение его лица оставалось невозмутимым, покрасневшие кончики ушей выдавали его мнимое спокойствие.

Ишь ты, а еще строит из себя мастера на словах.

Сам явно смущается, а всё туда же — изображает невозмутимость!

Сун Цзюяо не забыла о своей цели и спустя мгновение произнесла:

— Муж... неужели тот остров правда нельзя мне отдать?

Собираешься ночевать здесь?

Фу Цзинмо с самого порога прекрасно понимал, что у неё на уме.

Услышав её слова, он лишь холодно усмехнулся.

В его чистых, прохладных глазах не было никаких эмоций, а голос звучал лениво и равнодушно:

— Ладно. Посмотрим, как ты себя покажешь.

Покажет... как?

Сун Цзюяо закрыла глаза и глубоко вздохнула.

После чего снова положила руку на его ремень — раздался щелчок, и металлическая пряжка растянулась.

Она уже собиралась сделать следующий шаг.

Как вдруг в запястье острой болью отдало резкое движение.

— Вон отсюда.

Ухватив ее за запястье, Фу Цзинмо выставил её за дверь ванной.

Сун Цзюяо была полностью сбита с толку.

«?»

Что за шутки? Вы издеваетесь?

Этот Фу Цзинмо точно страдает раздвоением личности.

В тот самый момент, когда Сун Цзюяо вылетели из ванной, кадык Фу Цзинмо судорожно дернулся, а на лбу выступила испарина.

Ему пришлось признать одну вещь.

Эта женщина и впрямь мастерски умела соблазнять.

Воздерживаясь все двадцать семь лет своей жизни, он впервые испытал странное влечение к женщине.

Хотя обычно общество представительниц противоположного пола вызывало у него лишь отвращение.

Фу Цзинмо принял холодный душ и провозился добрых полчаса, прежде чем выйти наружу.

По крайней мере, бушующее пламя желания удалось подавить. Он вытирал полотенцем влажные волосы. Заметив это, Сун Цзюяо тут же принесла фен и принялась усердно хлопотать:

— Я помогу тебе высушить волосы!

Её глаза согнулись в полумесяцы, а уголки губ приподнялись.

Фу Цзинмо был закутан в банное полотенце. Ничего не ответив — ни согласившись, ни отказавшись, — он неторопливо устроился на диване, не прекращая тереть голову полотенцем.

Сун Цзюяо подошла к нему и включила фен в розетку.

Затем протянула руку и забрала у Фу Цзинмо полотенце.

Он никак не сопротивлялся, однако его невероятно красивое лицо оставалось холодным и отстранённым.

А уж в лести и угодничестве Сун Цзюяо не было равных.

Нажав на кнопку фена, она принялась бережно сушить волосы Фу Цзинмо.

Руки её не останавливались, но в голове роились мысли о том, как бы получше угодить Фу Цзинмо.

Слепо требовать, чтобы он отдал остров, точно не сработает, действовать нужно постепенно.

Возможно, лучший способ — заставить его влюбиться в неё.

Но способен ли такой хладнокровный и порой безумный мужчина, как Фу Цзинмо, искренне полюбить женщину? Если бы это было возможно, те богатые наследницы, что были помолвлены с ним, до сих пор не пропали бы без вести.

Сун Цзюяо отвлеклась, но Фу Цзинмо обладал острой реакцией. Заметив её рассеянность, он резким движением перехватил её запястье, намертво зафиксировав руку.

— Сун Цзюяо, твой уровень сервиса, мягко говоря, не выдерживает никакой критики.

С этими словами Фу Цзинмо выпустил её руку. Фен всё ещё продолжал дуть горячим воздухом, но у него пропало всякое желание наслаждаться процессом. Вместо этого он поднялся на ноги, бросил на неё быстрый взгляд и направился прямо к кровати.

Сун Цзинмо выключила фен и, глядя на то, как Фу Цзинмо укладывается на её собственную постель, на мгновение остолбенела, полностью потеряв дар речи.

Выходит, сегодня ночью он собрался спать здесь?

С момента помолвки он еще ни разу не оставался у неё на ночь.

Прежде жизнь Сун Цзюяо протекала вполне безмятежно.

Она планировала получить миллиард, выкупить остров и съехать на съемную квартиру — в конце концов, его общество было ей в тягость, да и оставаться в этом поместье ей совсем не хотелось.

Но теперь всё круто изменилось: остров ускользнул в руки Фу Цзинмо, а сам он превратился в объект её ухаживаний.

Сун Цзинмо отложила фен, подошла к Фу Цзинмо и остановилась перед ним:

— Ты что, собираешься... спать здесь?

Фу Цзинмо сидел на кровати, лениво приподняв веки.

— Это моя территория, где хочу, там и сплю. У тебя есть возражения? — спросил Фу Цзинмо.

Сун Цзюяо замерла, но тут же поспешно покачала головой:

— Никаких возражений.

— Тогда я пойду лягу в другой комнате...

Делить одну постель — это ведь не просто лежать и глазеть друг на друга.

Знакомые ей по стране Ю парни и девушки отличались бунтарским и раскованным нравом: стоило им оказаться в одной постели, как простыми разговорами дело уже не ограничивалось.

Сун Цзюяо помнила слова своей близкой подруги Се Сюэ: если однажды ты окажешься с мужчиной в закрытой комнате, ляжешь с ним на одну кровать, но при этом ничего не произойдет, то с огромной долей вероятности у этого мужчины проблемы со здоровьем.

Проще говоря, он ни на что не способен.

Или же он вовсе не любит женщин и является махровым геем.

Мужчины — в большинстве своём создания, которые думают... исключительно нижней частью тела.

Эти слова Сун Цзюяо заучила наизусть.

В конце концов, Се Сюэ имела немалый опыт в таких делах, так что слушать её советы было

делом верным.

Хотя Сун Цзюяо и пыталась успокоить себя, прекрасно понимая, что рано или поздно ей придётся вступить с Фу Цзинмо в интимные отношения, но... когда дело дошло до решающего шага, она всё же немного отступила назад, чувствуя, что ей требуется хоть немного времени на адаптацию.

При этой мысли она развернулась, собираясь уйти.

— Больше не хочешь заполучить остров?

Сзади раздался ленивый голос Фу Цзинмо.

Сун Цзюяо замерла и обернулась к нему.

Его волосы были полусухими, но это ничуть не портило его внешность, а лишь придавало образу нотку опасного очарования.

В его чёрных глазах бушевала мрачная злоба, лицо оставалось холодным и отстранённым, черты лица — резкими, а линии скул — безупречно очерченными.

Сун Цзюяо невольно подумала, что красавцы, сочетающие в себе утонченную худобу и идеальное строение черепа, встречаются крайне редко, и Фу Цзинмо был одним из них.

Знакомое давящее ощущение вновь навалилось на неё.

— Раз ты собираешься спать здесь, — Сун Цзюяо прикусила губу, — то я пойду лягу в другой комнате. Какие-то проблемы?

— Или, может быть, ты хочешь лечь со мной? У меня-то нет никаких возражений, но боюсь, благоверный мой, ты брезгливо скривишься.

Фу Цзинмо ответил с полнейшей невозмутимостью:

— Можешь спать на полу.

— Или на диване.

Сун Цзюяо: «...?»

А ты действительно начисто лишен джентльменских манер.

На дворе уже глубокая осень.

Без постели и тёплого одеяла среди ночи будет ужасно холодно.

К счастью, Сун Цзюяо не привыкать к тяготам жизни, поэтому, услышав слова Фу Цзинмо, она сомневалась всего лишь секунду, а затем молча кивнула в знак согласия.

<http://bllate.org/book/21473/2197198>